

DOI 10.25991/AE.2019.60.69.006
УДК 82.1

К. Д. Гордович

Гордович Кира Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
grdvkda@mail.ru

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ГОРЬКОГО 1910–1920-х ГОДОВ (СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ)

На материале рассказов из циклов «По Руси», «Заметки из дневника», воспоминаний М. Горького выявляются некоторые особенности творческой лаборатории писателя. В центре внимания оказываются и вопросы, которые задают повествователь и его персонажи, и отмеченная в текстах степень понимания жизни и людей. Анализ подтверждает интерес Горького ко всем, «отклоняющимся от норм», к особенностям русской души и русского характера. В повествовании о встречах, спорах, раздумьях интересно соотношение наблюдений о попутчиках и собеседниках с рассказом о самом себе, отражение процесса постижения мира и человека в нем.

Ключевые слова: М. Горький, душа, характер, книга, понимание, русский, жестокость, добро.

Gordovich K. D.

RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN MAXIM GORKY'S WORKS FROM THE 1910S AND 1920S
(the peculiarity of artistic decisions)

This paper notes some peculiarities of the author's artistic choices on the basis of Gorky's short stories in the "In Old Russia" series, as well as "Diary notes" and memoirs. I focus the attention both on the questions posed by the narrator and characters, and the level of understanding of life and people that is noted in the text. The analysis confirms Gorky's interest in all that is "diverging from the norm", and in the specific qualities of the Russian soul and Russian character. In discussing the author's description of meetings, arguments, and musings, I underline the interesting interrelation of observations about others with narrating a personal story, as well as the author's reflection of the process of understanding life and people in that personal story.

Keywords: M. Gorky, soul, personality, book, understanding, Russian, cruelty, kindness/

На первый взгляд, кажется, что трудно найти те аспекты исследования творчества М. Горького, по которым не написано достаточно много статей, диссертаций, монографий. Вместе с тем опыт работы со студентами показывает очевидную необходимость повышенного внимания к вопросу о художественном своеобразии произведений Горького.

О героях и ранних и поздних произведений Горького писали много. Попробуем на материале двух книг писателя — цикла «По Руси» и очерков и рассказов 1921–1924 годов, в том числе и «Заметок из дневника» — раскрыть особенности творческой лаборатории писателя. В центре внимания окажется характер сбора материала: на что и на кого обращал внимание автор-повествователь; как включал «голоса» персонажей в свой текст; как соединял личный опыт и самохарактеристики с наблюдениями и выводами о русском национальном характере; как оценивал степень понимания людей и ситуаций и какие вопросы вводил в текст именно как вопросы, требующие разрешения и не имеющие пока ответов.

Эти вопросы, в сущности, и организуют всю систему разговоров, размышлений, поиск ответов. В рассказе «Ледоход» из цикла «По Руси» повествователь пишет о своем беспокойном, неугасающем вопросе «Что такое человеческая душа?» [1, с. 24].

Похожий вопрос задает и один из персонажей — Панашкин: «А между прочим, для чего дается нам жизнь?» («Вечер у Панашкина») [1, с. 260].

Сама постановка вопросов связана с нежеланием мириться с тем, как неправильно, плохо устроен мир: «Было мучительно обидно, — почему я встречаю так много грязного и жалкого, тяжко глупого или странного... что же это за жизнь там, наверху, откуда люди падают так страшно низко?» [2, с. 90].

Как ни запутана жизнь, как ни трудно в этой путанице разобраться, главным остается вопрос «Кто и что — я?» («О первой любви») [2, с. 98].

В центре каждого рассказа — встреча с новым или уже знакомым человеком. В основе сюжета может быть событие («Рождение человека», «Пожары»), а могут быть именно разговоры («Вечер у Шамова», «Вечер у Панашкина»). Круг героев этих рассказов чрезвычайно разнообразен — здесь и нищие, и купцы, и знахарка, и бродяги, и профессиональные рабочие.

Автор-повествователь не только характеризует их сам, но дает «право голоса», озвучивая их реплики, высказывания, вопросы, обнаруживая или близких ему по духу людей, или не очень понятных, но интересных. Вот размышляет один из его собеседников в рассказе «В ущелье»: «...Живем без корней, ходим из стороны в сторону, да всем меша-

ем, за то нас и не любят» [1, с. 164]. Герой рассказа «Счастье», как и он сам, понял недостаточность книжного знания: «Жизнь шире, умнее книг, сударь мой, жизнь вовсе не похожа на книги» [1, с. 308]. Через своего персонажа (рассказ «Пожары») передает повествователь оценку «ненасытности» в интересе к людям, их судьбам: «Удивляюсь вашей ненасытности! И куда вы складываете всю эту труху слов людских...» [2, с. 157].

Авторские характеристики-обобщения касаются и таких известных людей, как В. Короленко, А. Блок, и никому не известных, но чем-то поразивших писателя. Так, говоря о Короленко, своем крестном отце в литературе, Горький отмечает, что он был первым, кто обратил его внимание на значимые формы, красоту фразы [2, с. 16]. Делясь с читателями своими наблюдениями, своим опытом в понимании людей, он подчеркивает сочетание недоверия и жгучего, «напряженного интереса» [2, с. 85]. И в самих оценках людей постоянно звучит мысль о несочетаемости, несовместимости многих качеств: «Талантливые люди, но — люди для анекдотов» («Городок») [2, с. 152].

Особенно привлекали всегда Горького те, кто «выламывается», «отклоняется от нормы», ушел от «нормальной» жизни («Чужие люди») [2, с. 184]. Однако привлекает не столько «отклонение», сколько душевная родственность, в частности, отношение к труду: «...Это совпадало с моим отношением к труду; для меня труд — область, где воображение мое беспредельно, я верю, что все тайны и трагедии нашей жизни разрешатся только трудом» («Н.А. Бугров») [2, с. 228].

Обратим внимание на сам характер наблюдений, акцентированный в авторском тексте. Повествователь не скрывает того, что он «очень внимательно прислушивается к людям» («Ледоход») [1, с. 24]. Дело не только в постоянном интересе, но и в умении почувствовать, принять близко к сердцу другого. Этой способностью Горький и его повествователь обладал в полной мере: «...бывают такие минуты, когда всех людей чувствуешь как свое тело, а себя — сердцем всех людей» («В ущелье») [1, с. 162–163].

И даже когда люди оказываются отнюдь не близкими, общение крайне важно, оно всегда открывает новое, помогает в чем-то разобраться: «Эти вечера для меня — как всенощная для верующего. Люди, которые служат ее, во многом чужды мне; мое отношение к ним — мучительно неясно: нравятся они мне и — нет, восхищают и — злят; иногда хочется сказать им слова сердечные, ласковые, а через час...» («Вечер у Шамова») [1, с. 240].

Как бы ни привлекали необычные, «отклоняющиеся от нормы» люди, истинную радость испытывал повествователь при встрече доброго, человеческого: «Я тщательно собирал мелкие редкие крохи всего, что можно назвать необычным — добрым, бескорыстным, красивым, — до сего дня в моей памяти ярко вспыхивают эти искры счастья видеть человека — человеком» («Время Короленко») [2,

с. 27]. И хотя порой люди остаются закрытыми, не совсем ясно, чего же ждать от них, но надежда остается светлой и чистой: «...не понимаю, что мне надо от этих людей, но иногда думалось, что если насытить их песнями до полноты души, — тогда они как-то изменятся, обнаружат себя более понятными мне...» («Сторож») [2, с. 72]. Потому и не угасло желание «присматриваться и прислушиваться» («Сторож») [2, с. 80], «подсматривать» («Городок») [2, с. 152].

Впечатления о жизни, о людях самые разнообразные. Автор-повествователь не скрывает того, что далеко не каждого может понять, сама степень понимания фиксируется в целом ряде случаев. При этом всякий раз передается радость от обнаружения настоящего, глубокого: «Я хорошо помню радостное и гордое удивление, с которым наблюдал, как из-под внешней серенькой оболочки возникают, выбиваются огни мышления о зле жизни, о противоречии плоти и духа...» («А.Н. Шмит») [2, с. 169].

Специальный рассказ посвящен наблюдению за людьми, когда они наедине с собой. Не боясь признаваться в непонимании, повествователь воспроизводит сам процесс наблюдений и поиск ответов: «Я еще очень молод и, в поисках устойчивого равновесия, качаюсь во все стороны. Мне кажется, что жизнь бессмысленно дразнит меня, показывая мне свои отвратительные унижающие гримасы <...> В общем я ничего не понимаю. Иногда мне кажется, что в голове у меня нет никаких мыслей, там, как пыль в воздухе, взвешены и прыгают какие-то разноцветные шарики, больше — ничего» («Мамаша Кемских») [2, с. 343].

Все эти произведения не просто строятся на автобиографическом материале, но рассказ о себе, своих взглядах, своем мироощущении и миропонимании необходим автору, поскольку именно через познание себя осуществляется постижение мира. Это отнюдь не самолюбование, но готовность «представить» себя миру с обнаженной душой и открытым сердцем.

Повествователь признается, что «очень много и упрямо возится сам с собой» и подчеркивает эту особенность своих наблюдений и ощущений образной «картинкой»: «Я точно телега, неумело перегруженная всяким хламом, тащит меня куда-то, неведомым путем, невидимая сила, и вот-вот опрокинусь я на следующем повороте дороги» («Вечер у Шамова») [1, с. 240]. Процесс узнавания и понимания еще в самом начале, еще очень во многом (и в себе тоже) он не разобрался.

Оценивая свое мировоззрение и состояние, автор-повествователь подчеркивает значение на определенном этапе книги, вошедшей навсегда в его жизнь: «Мне вспомнилось, каким добрым другом была для меня книга во дни отрочества и юности» («Книга») [1, с. 279]. Не раз потом в текстах прозвучит мотив несоответствия книжного знания и реальной жизни: «...Меня мучило противоречие между книгами, которым я почти непоколе-

бимо верил, и жизнью, которую я уже достаточно хорошо знал» («Время Короленко») [2, с. 26].

В наблюдения, полученные во время путешествий повествователя по Руси, порой врываются воспоминания о детстве. Детские горечи и обиды вспоминаются не для того, чтобы вызвать жалость, но чтобы объяснить направленность сопротивления и смысл поиска в людях опоры: «В детстве и отрочестве я, должен быть, слишком много видел жестокости, злой глупости, бессмысленной лжи. Этот преждевременный груз на сердце угнетал меня. Мне нужно было найти в жизни, в людях нечто, способное уравновесить тяжесть на сердце, нужно было выпрямить себя» («Герой») [1, с. 310–311].

Именно собственный ранний опыт столкновения с несправедливостью помогает сердцем понять и почувствовать беды других, но не соединиться с ними в тоске, а пытаться преодолеть ее. Очень важна при этом способность критически посмотреть на себя, почти посмеяться над своей «мудростью» и признать недостаток образования: «...моя тоска, должно быть, то самое, что именуют душой человека, это — существо, живущее в моей груди, оно всегда с неустанной силой толкает меня куда-то ... Кроме этой тоски — со мной моя жадная юность; издыхая от голода, одиночества, она готова все принять, всех любить, она любит смеяться надо всем — и над моей незрелой мудростью» («На Чангуле») [1, с. 386].

Как одна из главных задач понимается поиск себя — в значительной мере рассказ о себе и подчинен этой задаче, а она, в свою очередь, является составной частью в создании национального русского характера: «Мне нужно найти себя в пестрой путанице впечатлений и приключений, пережитых мною, но я не умел и боялся сделать это... Я не понимал людей... Во мне бродило изощренное любопытство человека, которому зачем-то необходимо заглянуть во все темные уголки бытия, в глубину всех тайн жизни...» («О первой любви») [2, с. 98].

Это страстное желание понять, интерес повествователя к людям нельзя свести лишь к любопытству, о чем он прямо и говорит: «... желание знать, как думают люди, я бы не назвал простым любопытством» («А.Н. Шмит») [2, с. 167]. Подводя некоторые итоги своих наблюдений, повествователь еще раз подчеркивает свою связь с теми людьми, о которых писал, и свою способность (готовность) писать правду, даже если она не нравится и ее не хотят знать: «Среди таких людей я прожил полстолетия. Надеюсь, что эта книга достаточно определенно говорит о том, что я не стеснялся писать правду, когда хотел этого, но, на мой взгляд, правда не вся и не так нужна людям, как об этом думают» («Вместо послесловия») [2, с. 335].

И в рассказах о людях, и в размышлениях о себе основной, стержневой задачей остается стремление понять. Что такое русский человек, русская душа, в чем проявляется это «русское». Любопытно, что

цикл «По Руси» начинается с рассказа «Рождение человека». Случайно оказавшись не просто свидетелем, но активным участником появления на свет нового человека, повествователь завершает рассказ об эпизоде словами о «человеке неизвестной судьбы, новом жителе земли русской» («Рождение человека») [1, с. 17]. Этот «житель» только еще пришел в этот мир. Все следующие рассказы — о молодых и старых, опытных и наивных.

Среди тех, с кем приходилось встречаться, общаться, удивляет обилие людей с неудавшейся судьбой, людей скучных, «зимних»: «Русь изобилует неудавшимися людьми, я уже немало встречал их, и они всегда, с таинственной силой магнита, притягивают к себе мое внимание» («Губин») [1, с. 47]. Они не способны понять, зачем они, в чем смысл их жизни: «»Было в них что-то непобедимо зимнее — казалось, что и весной и летом они живут для зимы...» [1, с. 47]. С горькой тоской старик-собеседник повествователя то ли спрашивает, то ли утверждает: «У нас на Руси никто не знает, зачем он? Родился, жил, помер — как все. Но — зачем?» («Кладбище») [1, с. 93].

Опять и опять возникает суждение о русских, которые разбрелись по степи, Кавказу: «...они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их лохмотья, все они притворяются смиренными, благочестивыми — устали от трудов, от неудач жизни и вот — сошлись сюда» («Женщина») [1, с. 126].

Именно в ходе этих наблюдений появляется слово-определение «ненужный». Потом оно будет использовано даже в названии («Жизнь ненужного человека»): «Большинство людей, среди которых я иду по земле, — не то восходя, не то опускаясь куда-то — ...как пыль, мучительно поражает своей ненужностью. Не за что ухватиться в человеке, чтобы открыть его, заглянуть в глубину души, где живут еще незнакомые мне мысли, неслыханные мною слова» («Женщина») [1, с. 128].

Однако кроме истинных неудачников, встречаются и те, кто готов притвориться, сыграть: «...Иду и грустно думаю о русском человеке, — артистично умеет играть роль несчастного этот человек!» («Вечер у Сухомяткина») [1, с. 273].

К своим наблюдениям автор-повествователь подключает высказывания своих собеседников, — они объясняют ему, почему русских здесь не любят, в их суждениях радует совпадение с собственным уважением к «работе на трудной земле» («В ущелье») [1, с. 163]. Словами старого солдата скажет автор и о глубоком, серьезном понимании России, ее души: «Про Россию, брат, нельзя говорить что хочешь, от своего ума. Кто ее знает, что есть Россия? Каждая губерния — своя душа» («В ущелье») [1, с. 171]. Он же и поставит перед писателем требовательный вопрос: «Как ты можешь Россию не уважать?» [1, с. 178].

При всей любви к России особенно много грустных суждений-обобщений о русском человеке

на страницах «записок из дневника»: «Я думаю, что нет страны, где люди говорили бы так много, думали так бессвязно, беспутно, как говорят и думают они в России, особенно в уездной...» («Городок») [2, с. 132].

В людях, которые его заинтересовали, в частности, в Бугрове, автор отмечает не просто характерное, но именно русское: «Чувствую: таков человек должен быть! Насквозь русский и душой и разумом» («Н.А. Бугров») [2, с. 215]; «Так жить и чувствовать могут, вероятно, только русские люди» [2, с. 234].

Итоговые наблюдения этих рассказов — тоже о русских людях, их исключительной талантливости: «Все-таки я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным... Я уверен, что по затейливости, по неожиданности изво-

ротов, так сказать — по фигурности мысли и чувства, русский народ — самый благодарный материал для художника» («Вместо послесловия») [2, с. 336].

Повествователь и открывается перед нами в роли художника, а не историка, летописца. В его рассказах нет ни поклонения, ни обожествления народа. Он чувствует внутреннюю потребность и необходимость сохранить в слове сам процесс своего постижения мира и человека в нем.

Литература

1. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1951.
2. Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 15. М.: ГИХЛ, 1951.